

• СОМНЕНИЕ

Ольга КАБАНОВА

На арбатском
кладбище

Появится памятник Булату Окуджаве

В эти дни проходит выставка конкурсных проектов на памятник Булату Окуджаве. Все желающие могут посмотреть их в здании Главного архитектурного управления по адресу 2-я Брестская, д. 6. Хотя вряд ли выставленное там кого-то обрадует — скорее, приведет в уныние.

В общем, конкурс как конкурс. Таких много было за последние годы бурного московского памятностроительства — два десятка участников, кочующих с одного конкурса по увековечению памяти к другому. Булат Шалвович в проектах представлен то натуралистически — шагающим по Арбату (издали можно спутать с Чеховым), с гитарой и без гитары, облокотившимся на пенек (вроде Есенина на Тверском), то аллегорически и метафорически — в образе шарманщика в треуголке (может, Михаил Шемякин изваял или какой-то его эпигон), в виде кентавров (почему — не спрашивайте!) или стула с трюпочкой и все с той же гитарой.

Художественными излишествами и карнавальными стилистикой отличается проект, исполненный в трех вариантах. Один представляет поэта сидящим, как в клетке, в афишной тумбе. Все конкурсные работы зашифрованы, но тут авторский почерк легко угадывается. Памятник Окуджаве работы Церетели — это, конечно, нонсенс. Две грузинские фамилии стали в российском общественном сознании символами прямо противоположных человеческих качеств. Конечно, для шестидесятников такое соединение имен оскорбительно. Они будут бороться против Церетели. Только вот за кого?

Напористый церетелиевский проект не лучше, не хуже других. Другие просто вялы. В конце концов на всех новых московских памятниках великим и любимым писателям следует высечь надпись «Великому человеку от бездарных потомков». Потомкам не хватает малого — немного вдохновения да искры божьей. Ну и помолчали бы, кажется.

Вдова Окуджавы на обсуждении не выступала, но на мой настойчивый вопрос, как она относится к самой идее памятника, Ольга Владимировна ответила так: «Я не могу говорить о проектах, ведь я член жюри. Но я вижу нездоровую тенденцию ставить в Москве памятники, которые будто с одного конвейера вышли. Они сделаны холодными людьми, бездушно. Меня, как жителя, как гражданина Москвы, это оскорбляет. Новые памятники искажают лицо столицы. Памятник для Булата Шалвовича — честь. Но мы не можем осквернять свой город, надо создать шедевр».

Шедевров на выставке не было. Сомневаюсь, что они появятся после продления конкурса. Правда, я видела один хороший памятник именно в провинции. В парке Великого Новгорода стоит небольшой обелиск погибшим в афганской войне. Пластика короткой, усеченной, черного мрамора пирамиды со скошенными гранями и крестом хранила память и о скромных сельских обелисках на общих могилах, и о маленьких мемориальных часовнях. Но больше ничего не припомню.

Кризис нашего памятникования не в недостатке убедительных форм, а в полном отсутствии новых идей. Облик Булата Окуджавы сохраняют фотографии и киноплёнка. Зачем же отливать в бронзе его фигуру да еще ставить на постамент? Может, как-то по-другому память сохранить, не по-кладбищенски?

В Стокгольме недавно прошел конкурс на памятник Раулю Валленбергу, спасшему в годы войны жизни тысяч евреев. Ни одной фигуративной скульптуры там не было. В финал вышли три работы. Одна представляла собой пространственную конструкцию в форме звезды Давида; другая — декоративную стелу, под которой располагается музей; третья воспроизводила подпись Валленберга.

Памятник Булату Окуджаве должен стоять на пересечении

Памятник Окуджаве работы Церетели

В прошедшую среду состоялось общественное обсуждение конкурса. Выступали друзья Окуджавы и его товарищи по поколению. Говорили много. О том, как дорого для них это имя. О том, что нет на конкурсе убедительного решения. Что Окуджава — это качество души, а памятник ему — это памятник поколению шестидесятников. Что надо конкурс продлить и привлечь к нему людей из провинции и иностранцев. «Конкурс провели быстро, информации о нем было мало. Но ведь только бросьте клич, — сказала Ирина Лесневская, — и найдутся сотни участников из разных стран. С душой сделают, не ради галочки, да еще и деньгами помогут».

Арбата и Плотникова переулка, на небольшой площади. Кажется, верное место. Но разве это тот Арбат-судьба, о котором в песне поется. Это новый старый Арбат, на котором уже давно не живут. По нему прохаживаются. К этому Арбату, туго набитому аляповатыми церетелиевскими работами фонарями, конечно, подойдет аляповатый церетелиевский памятник. Такой хамский Арбат все проглотит — не подавится. К Булату Окуджаве он уже давно не имеет никакого отношения.

Так, может, если по совести, вообще не надо памятника?

В пятницу на заседании жюри было решено продлить конкурс до мая.